

- различие между пониманием «идеи» у Аристотеля и у Платона заключается в степени и в характере отвлечения от индивидуальной «вещи»
- Если знание (именование) возможно только в отношении общего, то как познать индивидуальное?

- логика представляет собой деятельностный подход, это есть философствование, нацеленное на исследование, притом на исследование с воспроизводимыми приемами
- Понятие «текста» в последующем развитии этой стратегии. Язык и насилие как тесно связанные темы (Р. Барт, М.Фуко)

- Категории в их различном понимании
- В то время как Категории Аристотеля с их родо-видовыми отношениями имеют коррелят в системе логического вывода, в силлогистике, категоризация Платона не имеет при себе никакой «логики» (космос, логос, закон)

- Логика суппозиций и логика вывода.
Система и метод

- разве понятия не суть образования и создания мышления, которые в качестве таковых заключают в себе вместо чистой формы предмета только форму самой мысли?

- Тем самым все создаваемые теоретическим мышлением схемы, чтобы посредством них упорядочивать, расчленять, обзрывать бытие, действительность явлений, в конечном итоге просто трафареты — воздушные создания духа, в которых находит свое выражение не столько природа вещей, сколько его собственные свойства.

- Таким образом и знание становится, подобно мифу, языку и искусству, своего рода фикцией, полезной для практического использования, но не допускающей применения строгого масштаба истины, которое сразу превращает ее в ничто.

- Для предотвращения этого самоуничтожения духа существует лишь *одно* спасительное средство: со всей серьезностью обратиться к тому, что Кант определил как «коперниканский переворот».

- Вместо того, чтобы измерять содержание, смысл, истину духовных форм чем-то другим, тем, что в них опосредствованно отражается, находить в самих этих формах масштаб и критерий их истины, их внутреннего значения.

- Вместо того чтобы видеть в них простые отражения, признавать в каждой из них наличие спонтанного правила созидания, исконные способ и направленность формирования, которые являются чем-то большим, чем простым отпечатком того, что нам с самого начала дано в простом образовании бытия

- Рассмотренные с этой точки зрения, миф, искусство, язык и познание становятся символами: не в том смысле, что они определяют наличное действительное в форме образа, указующей и толкующей аллегории, а в том, что каждая из этих областей создает и выводит из себя собственный мир смысла.

- Не подражанием этой действительности, а ее *органами* становятся теперь отдельные символические формы, поскольку только посредством них действительное может стать предметом духовного созерцания и тем самым *зримым* как таковое.

- Если язык, миф, искусство и познание постигаются как такие идеальные данности смысла, основная философская проблема не может больше сводиться к тому, как все они относятся к единому абсолютному бытию, которое стоит за ними как некое непроницаемое субстанциальное ядро, а должна ставить вопрос, как они взаимно дополняют и обуславливают друг друга.

- теперь язык, искусство, миф предстают как подлинные исконные феномены духа, которые, правда, могут быть *выявлены* как таковые, но «объяснить» в которых, т.е. свести к другому, больше ничего нельзя.

- Однако эта постановка проблемы оказывается несостоятельной, как только достигнуто ясное понимание того, что предполагаемое здесь различие, *членение* мира на вещи и события, на пребывающее и преходящее, на предметы и процессы не лежит в основе языка как нечто данное, что язык сам ведет к этому членению, которое надлежит ему совершить.

- Тогда оказывается, что язык не может *начинаться* ни со стадии одних только «субстантивных», ни со стадии одних только «вербальных» понятий, что именно он проводит разделение между ними, создающее важный духовный «кризис», в котором пребывающее противостоит меняющемуся, бытие — становлению.

- Наша теория познания будет лишена необходимой основы, пока лингвистика и мифология не уяснят процессы произвольного и неосознанного представления. Скачок от единичных восприятий к родовому понятию значительно больше, чем мы с нашим школьным образованием и языком, мыслящим за нас, способны предположить.

Барт

- Языковая деятельность подобна законодательной деятельности, а язык является ее кодом. Мы не замечаем власти, таящейся в языке, потому что забываем, что язык - это средство классификации и что всякая классификация есть способ подавления: латинское слово *ordo* имеет два значения: порядки угроза

- я вынужден сначала обозначить себя в качестве субъекта и лишь затем назвать совершаемое мною действие, которое таким образом оказывается не более, чем моим атрибутом:
получается, что то, что я делаю, есть всего лишь следствие и последствие того, чем я являюсь; равным образом 'я всегда обязан выбирать между женским и мужским родом;

- средний или общий род находятся для меня под запретом; точно так же, выражая свое отношение к другому, я вынужден пользоваться либо местоимением *ты*, либо местоимением *вы*: в их эмоциональной или социальной нейтрализации мне отказано

- знаки, образующие язык, существуют лишь постольку, поскольку они поддаются распознаванию, иными словами, поскольку они повторяются; знак несамостоятелен, стаден; в каждом знаке дремлет одно и то же чудовище, имя которому - стереотип: я способен заговорить лишь в том случае, если начинаю подбирать то, что *рассеяно* в самом языке.

- Изучить язык значит ускользнуть из-под власти языка.
- Литература как текст, как игра против языка, против идеологии
- Я хочу назвать здесь три таких силы, обозначив их тремя греческими терминами: *Матесис*, *Мимесис*, *Семиосис*

- литература не просто использует язык, но как бы выставляет его на всеобщее обозрение, она вовлекает знание в нескончаемую работу некоего рефлексивного механизма, где знание, с помощью письма, безостановочно размышляет о. самом знании, хотя делает это уже не по законам эпистемологического, а по законам драматического дискурса

